

УДК 94(47)

«ТОВАРИЩ АПАНАЕВ! – ОБРАЩАЮТСЯ К НЕМУ РАБОЧИЕ...»
 (о потерянном поколении татарской молодежи начала XX века:
 на примере биографии Абдулхамиды Апанаева)

Л.Р.Габдрафикова, кандидат исторических наук

Рассуждая о тенденциях развития любого общества в любом временном промежутке, говорят также о движущей силе этих изменений. Как правило, носителями новых идей является молодежь, наиболее восприимчивая и гибкая часть социума. В татарском обществе начала XX в. такую роль играли представители поколения 1980-х гг. Самые яркие фигуры данного периода – это родившиеся в 1880-е гг. молодые люди. Они росли уже в эпоху джадидских преобразований, получали образование в новометодных медресе, а некоторые вовсе в русских школах, читали не только газету «Тарджеман», но и различные книги светского характера, а также русскую и турецкую периодику, первые татарские повременные издания. Поэтому сформировались как люди, свободные от многих стереотипов. Кажущийся эпатаж стал для них не просто формой протеста, а образом жизни. Они оказались слишком «окультуренными», если можно так выразиться, и, к сожалению, были очень далеки от джадидских идеалов. Уместнее будет обозначить такую татарскую молодежь как продукт русского влияния. Достаточно хорошо изучены биографии писателей и общественных деятелей, родившихся в 1880-е гг.: Фатыха Амирхана, Галимджана Ибрагимова, Сагита Рамиева, Газиза Губайдуллина и других. Но гораздо интереснее взглянуть на судьбу человека непубличного, который оказался далек от общественных вопросов и жил своей жизнью, интересами личного характера.

Одним из таких людей был Абдулхамид Апанаев — сын казанского предпринимателя Исхака Апанаева, представитель известного купеческого рода. Его дед, купец 1-й гильдии Хасан Мусич Апанаев, еще в 1834 г. получил звание потомственного почетного гражданина. Потомки дорожили этим обозначением. Несмотря на то, что в начале XX в. значение сословного деления в общественной жизни сильно уменьшилось, в 1908 г. Апанаевы вновь нотариально заверили верность данного свидетельства. Но в это время звание потомственного почетного гражданина скорее являлось лишь напоминанием о былой коммерческой успешности рода. Многие представители известных фамилий по уровню жизни не отличались от мещан средней руки. Иногда у них не было даже собственных домовладений и жили они на съемных квартирах. Но это не относилось к Хамиду Апанаеву: он родился в доме деда Хасана, под №96 налевой набережной озера Кабан. Двухэтажный каменный дом в конце 1920-х гг. стал причиной различных имущественных претензий к Абдулхамиду Апанаеву со стороны ярких приверженцев нового советского порядка. Хотя к тому времени бывший потомственный почетный гражданин занимал там лишь одну комнату, а ему все напоминали о «блестящем прошлом». Так что же там было «блестящего»?

Этот человек, вероятно, так и остался бы неприметным современником известных татарских деятелей начала XX в. Например, на одной из дач-

ных фотографий, где запечатлены Газиз Губайдуллин, Гафур Кулахметов и другие люди, есть и Хамид Апанаев. Увековечили его имя родственники, передав в Музей национальной культуры при Национальном культурном центре «Казань» личные вещи, документы и другие экспонаты из семейного архива, отражающие жизнь и деятельность этого человека. Так здесь появилась коллекция Абдулхамиды Апанаева, многие предметы из которой заняли достойное место в экспозиции, некоторые документы и фотографии хранятся в фондах музея¹.

Интересно, что на рубеже XIX–XX вв. в Казани было несколько Абдулхамидов Апанаевых. Этот род был очень многочисленным. Поэтому неудивительно, что встречались и тезки. Один из Абдулхамидов Апанаевых, тоже потомственный почетный гражданин, был известен тем, что вел праздный образ жизни. Впоследствии его дочь – Гайша Шарипова в автобиографическом романе «Семья Гафура» так описала отца: «Сорить деньгами Хамид был великий мастер. Газетная хроника чуть не каждый день сообщала об очередном дебоше, учиненном единственным сыном богобоязненного Абсаляма»². Хамид Апанаев был женат на сестре Гафура Кулахметова – Шамсикамар. Прожив вместе совсем недолго, в 1902 г. супруги развелись, не помогло даже рождение дочери Гайши.

Герой данной статьи – Абдулхамид Исхакович Апанаев кардинально отличался от своего скандального тезки. Во-первых, он был моложе его, родился в 1885 г. Во-вторых, торговый капитал отца сумел вложить в собственное образование. Тем самым он обеспечил себе, прежде всего, определенный жизненный ориентир. Если Абдулхамид Абсалямович стал заложником соблазнов буржуазной эпохи, то Абдулхамид Исхакович, наоборот, успешно адаптировался в новом времени. Возможно, в этом велика была роль его родителей. Кстати, мать Абдулхамиды

да – Биби-Гайша тоже являлась представительницей рода Апанаевых, она была дочерью потомственного почетного гражданина Юсупа Мухаммедовича.

Опасения, что сына постигнет судьба многих богатых отпрысков – вечно пьяных, своим бесцельным существованием ведущих семью к неминуемому разорению, вероятно, неслужили основным аргументом в пользу более конкурентоспособного образования. Если раньше татарский купец мечтал видеть своего сына муллою, то новые реалии предлагали другие идеалы. Помимо привычных для татар торговли и богослужения появились дополнительные возможности для получения доходов. Но они требовали специальных знаний и навыков. После учебы в медресе 16-летний Абдулхамид направляется в Казанское реальное училище. Там он проучился с 1901 по 1907 г. В реальном училище Хамид проявлял особую склонность к рисованию, его отличные успехи в этой области ежегодно отмечались ученическими наградами³. Как известно, рисование являлось одним из недоступных или скорее запретных областей для поволжских мусульман. Только в начале XX в. появились первые робкие попытки изображения живых существ. К сожалению, рисунки Хамиды Апанаева не сохранились. Но, скорее всего, увлечение рисованием значительно расширило горизонты его «картины мира» и способствовало окончательной трансформации традиционного сознания.

Русское образование было в то время идеалом многих татарских юношей и девушек. Однако не у всех получалось осуществить эту мечту. Очень часто желанию детей противились отцы, лишали их материальной помощи. Конечно, некоторые все же убеждали родителей в собственной правоте и необходимости получения именно иноверного образования. Например, так было в семье Газиза Губайдуллина. Его отец купец Салих Губайдуллин,

в конце концов, разрешил всем троим детям продолжить учебу в гимназиях. Как обстояло дело в семье Абдулхамида Апанаева, мы не знаем. Но дальнейшая поддержка Исхаком Апанаевым образовательных порывов сына дает основание думать, что действовали они вполне согласованно. Как отмечал уже в советские годы сам Хамид, до 28 лет он учился. «Я ровно ничем не виноват в том, что мой отец до революции имел небольшое поместье, но за то я никогда ничего не имел, за исключением полученного мной образования за средства отца», – писал бывший купеческий сын в 1930 г.⁴

В 1907 г. Абдулхамид Апанаев становится вольнослушателем математического отделения физико-математического факультета Казанского университета. После сдачи экзамена по латинскому языку за 8 классов гимназического курса его вскоре зачислили в студенты. Вероятно, изначально у него были способности к точным наукам. Но молодой человек не собирался останавливаться на достигнутом и спокойно доучиваться на этом факультете. Он продолжал искать себя, его интересовали разные области знаний. Иначе как объяснить, что уже летом 1908 г. Апанаев стал студентом юридического факультета Казанского университета? К слову, как математики, так и юристы в это время среди татар были большой редкостью. Хотя устоявшаяся судебная система, с адвокатской практикой, открывала широкие профессиональные возможности и для специалистов из инородцев. Получение высшего образования давало им звание личного дворянина. Если в русском обществе, особенно среди интеллигенции, все реже обращали внимание на сословные звания, то для татар они еще не были пустым звуком.

Потомственный почетный гражданин Абдулхамид Апанаев в 1909 г., оставив учебу в Казанском университете, отправился в столицу. Там он поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Наверное, для человека, учившегося в медресе, знающего арабский, турецкий и фарси, а также с базой реального училища и прекрасным владением русского языка учеба здесь не составила большого труда. В 1913 г. он получил диплом I степени факультета востоковедения. Это свидетельство понадобится ему уже в советские годы, в 1925–1926 гг. он работал преподавателем персидского языка в Восточно-педагогическом институте РСФСР в Казани⁵. Ну а в 1913 г. молодой специалист еще не спешил заниматься ориенталистикой, в том же году вернулся в родной город и восстановился на юридическом факультете Казанского университета. Может быть, родители настаивали на более надежном образовании. Ведь мусульманские присяжные поверенные вызывали больше доверия у своих единоверцев, к ним охотно обращались с разными вопросами. Примером для многих стала карьера адвоката Саид-Гарейя Алкина. Показательно и то, что в Казани в 1913 г. издавался юридический журнал на татарском языке «Хокук вэ хяят» (Право и жизнь). В начале XX в. татары, вместо традиционных казыев Магометанского собрания, все чаще предпочитали обращаться с имущественными и бракоразводными делами в гражданские судебные органы. Однако диплом перспективной профессии юриста Абдулхамид Апанаев так и не получил. В дальнейшем он и сам этот период обучения нигде не указывал. Для него время учебы закончилось в 28-летнем возрасте, в 1913 г. По каким-то соображениям он скрывал этот факт. Например, среди его личных дел имеется справка о том, что «Хамид Исхакович Апанаев служил в кокандском отделении Торгового дома Братья Казаковы и К^о в должности заведующего отделением с 1913 по 1916 г., потом был мобилизован в действующую армию». При этом справка дана в 1930 г., когда уже не было никакой фирмы Казаковых⁶. Оставалась лишь корпоративная дружба между бывшими купе-

ческими детьми. В университетском свидетельстве от 10 ноября 1916 г. говорится о том, что в это время с 1913 по 1916 г. Апаанаев учился на юридическом факультете, «на полукурсовых испытаниях показал успехи: по энциклопедии права – весьма удовлетворительные...», «ни в чем предосудительного не замечался и аттестовался поведению отличного»⁷. Конечно, более убедительным кажется именно это свидетельство.

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война внесла значительные коррективы в жизнь россиян. Какая бы справка ни была действительной, в любом случае в 1916 г. Хамид Апаанаев оказался на военной службе. Солдат-призывник в татарском обществе конца XIX – начала XX в., несмотря на военную реформу, считался человеком обреченным, потеряннным. Все семьи как огня боялись осмотра призывников и надеялись, что парня оставят хотя бы на год или вовсе навсегда. Весьма иллюстративен в этом плане эпизод осмотров будущих солдат в романе Галимджана Ибрагимова «Молодые сердца». К слову, писатель сам избежал военной службы. Абдулхамид Апаанаев, как человек уже получивший высшее образование, не мог рассчитывать на студенческую отсрочку в Казанском университете, поэтому вполне логично, что «в 1916 году по мобилизации был принят во флот»⁸. Здесь он сливается с обезличенными героями «потерянного поколения», мечтавшими о карьере, спокойной жизни, стабильных доходах, о семье и детях, а получивших в итоге войну и разруху.

Судьба оградила Абдулхамида от ужасов действующей армии. Уже

в 1917 г. он был принят на учебное судно, которое отправляется в заграничное плавание. Курсировали они в основном в водах французского Индокитая – между Индийским и Тихим океанами. В память о периоде дальнего вояжа «корабельного гардемарина» (именно так называлась должность Апаанаева) на крейсере «Орел»⁹ в экспозиции музея имеются огромный кожаный дорожный чемодан, деревянная шкатулка с замком для хранения документов и разные экзотические сувениры: панцирь морской черепахи, зуб акулы, миниатюра из слоновой кости с изображением обезьян и другие предметы. Путешествовать Абдулхамид Апаанаев любил и раньше*. Так, в коллекции имеется альбом «На память о Париже» об архитектурно-художественных и исторических достопримечательностях города на французском языке с пометкой Апаанаева «1905 год». Есть такой же альбом на русском языке о Самарканде¹⁰. Эти издания напоминают туристические путеводители. Возможно, и справка о работе Абдулхамида в Самарканде у Казаковых была связана именно с этим путешествием.

Результатом активной интеграции татар в российское общество являлись изменения в их внешнем виде, в повседневных привычках, стереотипах поведения и мировоззрении. В традиционной среде это выглядело вызывающе, среди русских – будто так и положено. Учеба в реальном училище и университете изменила мировосприятие Хаида Апаанаева еще в юности. Так, у него нет ни одной фотографии с головным убором. Внешний облик его полностью соответствовал об-

* В начале XX в. путешествия, особенно заграничные, среди состоятельных и интеллигентных татар становятся обязательной частью саморазвития. Так же, как раньше это вошло в моду у русских дворян. Некоторые отправляли своих отпрысков учиться за границу, кто-то ограничивался ознакомительными поездками. Например, такого рода целенаправленное путешествие в 1910 г. совершил купеческий сын Ахмет-Гарай Хасани. Мы не можем утверждать окончательно, что Абдулхамид Апаанаев бывал в Париже или других европейских столицах. Однако косвенные источники указывают на это. К примеру, рассказывая о знаменитом чемодане Апаанаева, его родственники подчеркивали, что с ним он объездил весь мир.

шим городским стандартам, из одежды и аксессуаров ничто не выдавало его национально-конфессиональную особенность. К примеру, есть среди экспонатов кожаный ремень с серебряной отделкой. Для Апанаева, вероятно, это была незначительная деталь, постоянно присутствующая в его быту. Между тем для татарского солдата из деревни ремень – непривычный и инородный аксессуар, подчеркивающий его вероотступничество. «Взяли на войну,/ дали мне ремень...», — говорится в одном из байтов времен Первой мировой войны¹¹ и в этом простом замечании на самом деле обозначено глубокое противоречие в душе человека с традиционными воззрениями. Ведь он носил обычные народные штаны, которые не нужно подпоясывать ремнем. Как представителю татарской городской молодежи – Абдулхамиду Апанаеву были уже чужды подобные стереотипы. Вообще многие его личные вещи указывают на поведение, свободное от известных религиозных запретов: графин для коньяка, несколько серебряных мундштуков для сигар и сигарет, портсигар... В начале XX в. курение получило особое распространение среди татарской молодежи. Конечно, при старших старались не курить, но за это никто уже не осуждал. Более того, например, если верить воспоминаниям шакирдов, в медресе «Галия» в Уфе имелась даже отдельная комната для курения¹². Среди народных поверий, бытовавших на рубеже веков у казанских татар, встречаются и наивные суждения о том, что, покурив, можно унять зубную боль¹³. Употребление спиртного хоть и было под запретом, многими данное табу обходилось стороной¹⁴. Вероятно, и Абдулхамид Апанаев не придавал этому особого значения. Интересно, что среди экспонатов коллекции нет никаких предметов, указывающих на его религиозность. Например, намазлыки, молитвенники, четки и т.д. Возможно, они были специально уничтожены в советское время, чтобы избежать соответствующих

обвинений. Но многим семьям, несмотря на материалистическую идеологию, удалось сохранить и религиозные реликвии. Это зависело от внутреннего ощущения самого человека.

Мировоззрение молодых людей, родившихся в конце XIX в., было очень часто далеко не религиозным. К примеру, о своем родном брате Ибрагиме писатель Фатих Амирхан в 1908 г. в письме к другу Исмаилу Аитову иронично заметил, что тот, возможно, станет муллой-атеистом исключительно из меркантильных соображений – «для собственного прокорма и это сгодится»¹⁵. При этом отец братьев – Зариф Амирхан был известным казанским муллой, руководителем медресе в Ново-татарской слободе. Молодые люди, поколение родившихся в 1880-х гг., не связывали себя ни с джадидами, ни с кадимистами. Стремление к русским, западным новациям смывало их мусульманскую идентификацию. Но они так и не сумели слиться с общеимперской культурой. Они оставались теми же инородцами, что и татары XIX в. Возможно, поэтому у них возникало национальное самосознание. Например, даже то, что Абдулхамид Апанаев, оставив в 1909 г. юридический факультет, решил получить все-таки востоковедческое образование, указывает на мотивацию этнического характера. Но это был атеистический национализм.

«Образование, науки, искусство... все это нужно, но без религии они служат лишь к ухудшению нашего положения», — писал журнал «Дин вь магишат» в 1913 г.¹⁶ Однако перемены в сознании поколения, родившегося в 70–80-х гг. XIX столетия, произошли не только благодаря развитию науки и искусства. Огромную роль сыграли и расширившиеся буржуазные услуги (новая городская мода, формы досуга и т.п.), которые противоречили основным положениям ислама. Здесь во главу угла ставилась лишь экономическая выгода. «Крепкая стена религии, которую некогда отгородили себя татары,

не могла теперь выдерживать напора изнутри и извне, татарская жизнь зашаталась на одном месте, не зная куда бы повернуть», — такую оценку дал 80-м гг. XIX в. автор-татарин в журнале «Современник» в 1911 г.¹⁷

«Я не европеец, и не азиат. Остался между ними», — писал о себе Фатих Карими в письме дяде Ризе Фахретдину¹⁸. Эта двойственность сознания была характерна для многих образованных молодых людей. Колебание между разными мирами — блеском Запада и неспешностью Востока — отражалось и на устройстве личной жизни. Получившие определенное духовное развитие татары искали для себя таких же думающих девушек, сведущих как в вопросах культуры, так и вообще в городской жизни. Конечно, среди татарок было довольно трудно найти подходящую пару. И дело даже не в малом количестве «окультуренных» девушек, просто межполовое общение молодежи в состоятельных кругах было практически невозможно. Такое допускали лишь редкие образованные семьи. Договориться между собой могли парни и девушки из крестьянской среды, во время вечерних игр.

Между тем молодые люди, начитавшиеся различных рассуждений на этот счет, уже не хотели полагаться на судьбу в выборе супруги. В это время появляются первые эпизоды смешанных браков. Весьма выпукло данную дилемму татарской молодежи изобразил Гаяз Исхаки в рассказе «Он еще был не женат»¹⁹. Альтернативой смешанным бракам в некоторых случаях становились матримониальные союзы с литовскими татарками. Эти девушки ничем не отличались от образованных русских барышень, кроме своего мусульманского вероисповедания. Например, Исмагил Аитов — сын купца Сулеймана Аитова был женат на такой девушке. Вот и женой Хамида Апанаева стала Софья Юнусовна Ра-

децкая, литовская татарка. Источники из музейного фонда не дают полной картины частной жизни Абдулхамида Апанаева. Мы не знаем, когда именно поженились Хамид и Софья, где познакомились. Возможно, встретились они еще в Санкт-Петербурге. Но нельзя исключать и знакомства уже на Дальнем Востоке. Например, имеются фотографии супругов в Сайгоне в 1919 г. В семье рос сын — Надир. Кстати, именно Надир Апанаев и передал материалы из архива отца в Музей национальной культуры.

С таким дореволюционным багажом поколение 1980-х гг. вступило в советскую действительность. Многими новая власть была воспринята с большим воодушевлением. В Казань Абдулхамид Апанаев вернулся в 1923 г. К этому времени отца — Исхака Апанаева уже не было в живых, его не стало в 1918 г. Мир вокруг сильно изменился. Ему надо было подтвердить свое право на жизнь в новой системе координат. В 1924 г. Апанаева восстановили в правах, он занимал разные должности. Преподавал в Восточно-педагогическом институте*, но вскоре предмет его убрали из программы. Затем он устраивается в Рыночный комитет, выполняет в том числе и обязанности юриста (вот где понадобились царские дипломы). Однако с 1928 г. начинается его «систематическая травля». Все началось с выхода статьи «Хорошо тому живется, кто устроиться сумел» в газете «Красная Татария». «Нами получен ряд рабкорских писем, преисполненных негодования по поводу превращения бывшего помещика в советского служащего и профактивиста. И в один голос утверждают они, что деятельность Хамеда Апанаева в качестве управляющего базаркома сводится к всемерному обережению интересов частных торговцев, не только в ущерб интересам рабочих и служащих, но и в ущерб

* Там же в это время работал и другой купеческий сын — Гали Рахим.

общей налоговой политике советского государства. Кроме того, все заметки упирают на чрезвычайную грубость Апанаева, на его помещичье-хамское обращение и требуют точного и ясного ответа:

– Долго ли еще бывший помещик Хамед Апанаев будет членом союза, членом РКК и нарзаседателем?

– Нет ли для этого дела более подходящих людей, у которых бы прошлое было менее блестящим, но зато более соответствующим интересам трудящихся?!», – жаловался на «товарища Апанаева» аноним, назвавшийся С.Мирским²⁰.

В это время реорганизовывали рыночный комитет и значительно сократили штат служащих. Сам Апанаев считал, что фельетон – это «личная месть со стороны увольняемых или их вдохновителей», только увольнение рабочих было не в его компетенции. Как юрист он подает иск в суд. В ходе следствия приведенные в газете факты

не подтвердились. Абдулхамид Апанаев обращался несколько раз и в судебные органы, и в саму редакцию, просил дать в газете опровержение²¹. Но его просьбу оставили без внимания.

В 1930 г. бывшего потомственно почетного гражданина выселили из дома. В то время в родовом гнезде на набережной Кабана вместе с семьей он занимал одну комнату. Претензии такого «неблагонадежного элемента», как Апанаев (да еще с такой громкой фамилией), неизбежно могли привести только к одному – Молоху репрессий. В 1933 г. его осудили на три года исправительно-трудовых лагерей. В коллекции имеется справка от 20 июля 1935 г. о том, что Апанаев Абдулхамид Исхакович «по окончании срока с зачетом 146 рабочих дней из Сибирского лагеря освобожден»²². Умер он в 1937 г. Таков итог жизни многих представителей поколения людей, рожденных в 1880-х гг. По крайней мере, тех татар, которые остались в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП-13470.
- ² Шарипова Г. Семья Гафура. – Алма-Ата: Жазушы, 1969. – С.32.
- ³ Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП- 13470/282, 283.
- ⁴ Там же. КП- 13470/235.
- ⁵ Там же. КП-13470/263.
- ⁶ Там же. КП-13470/236.
- ⁷ Там же. КП-13470/284.
- ⁸ Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП-13470/292
- ⁹ Там же. КП-1370/254.
- ¹⁰ Там же. КП-13470/39, 40.
- ¹¹ Татар халык ижады. Бәетләр. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1983. – Б.84.
- ¹² Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.Р-4767. Оп.1. Д.2. Л.77.
- ¹³ Научный архив Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 18. Оп.1. Д. 34. Л.68.
- ¹⁴ Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар (этнографический очерк) // Вестник научного общества татароведения. – 1927. – № 6. – С.49.
- ¹⁵ Амирхан Ф. Әсәрләр 4 томда. – Т. 4. – Казан, 1986. – Б.245.
- ¹⁶ Мир ислама. – СПб., 1913. – Том II. Выпуск 1. – С.35.
- ¹⁷ Неджибъ. Пробуждение русских татар и их литература // Современник. – 1911. – Кн.4. – С.171.
- ¹⁸ Шәраф З. Фатыйх Кәрим / Фатих Карими. Научно-биографический сборник. – Казань, 2000. – С.89.
- ¹⁹ Исхакый Г. Ул эле өйләнмәгән иде // Зиндан. Сайланма әсәрләр. – Казан, 1991. – Б.320–374.

²⁰ Хорошо тому живется, кто устроиться сумел... // Красная Татария. – 1928. – 26 апреля. – № 96(3069).

²¹ Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП-13470/295.

²² Там же. КП-13470/231.

Аннотация

Буржуазные изменения пореформенного времени и джадидские преобразования оказали значительное влияние на формирование личности молодых людей, родившихся в 1880-е гг. Они были первым поколением «европеизированных» татар, которые с детства оказались в центре новой городской культуры. Абдулхамид Апаев – один из ярких представителей этой молодежи, становление и зрелые годы которого пришлось на начало XX века.

Ключевые слова: татары, ислам, джадидизм, повседневность, реформы.

Summary

Bourgeois changes of the post-reform time and Jadid transformation had a significant influence on the personality of young people born in the 1880s. They were the first generation of «westernized» Tatars, who found themselves in the centre of the new urban culture since childhood. Abdulakhamid Apanaev is one of the brightest representatives of this youth, whose mature years are related with the beginning of the XXth century.

Keywords: Tatars, Islam, Jadidism, everyday, reforms.